

У КАЖДОГО СВОЯ СУДЬБА...

Письма Константина Симонова

А РАДИОНОВУ

Дорогой товарищ Радионов!
Получил Ваше письмо.

Не знаю, может быть, Вы и правы — того, чего не видел своими глазами, категорически утверждать не могу. Хотя история, которую мне рассказали, при всей своей невероятности показалась мне похожей на правду¹. Ведь бывает так, что оно и верится, а оказывается, так оно и было.

До сих пор, например, не могу объяснить себе одного случая, который на этот раз я видел своими глазами, не то осенью 44-го, не то зимой 45-го года в районе 1-го Украинского фронта. Проезжая мимо на «виллисе», я своими глазами видел: на довольно плоской и очень длинной, не то шиферной, не то черепичной крыше какого-то громадного строения лежал «У-2». Лежал, как будто его посадили на эту крышу таким образом, что колеса прошли внутрь, сквозь нее. Причем это были не обломки самолета, а именно самолет, на первый взгляд, мелкий, даже казавшийся неповрежденным. Что это могло означать? Как это могло произойти? Не понимаю, и кого ни спрашивал, никто мне не мог объяснить. Очевидно, здесь имел место какой-то дикий случай, подобный тем случаям, когда человек оставался живым, упав с нераскрывшимся парашютом. Может быть, такая история произошла и с тем танкистом, о котором мне рассказали. Может быть, не стоит так уж решительно исключать возможность ее? Хотя я сам понимаю, что она стоит на грани невероятного.

С товарищеским приветом
Константин СИМОНОВ
17. IV. 65.

¹ А. Радионову показался неправдоподобным следующий эпизод в дневниках К. Симонова: «Один из танкистов, майор, рассказывал мне, как во время выхода из окружения его и нескольких бойцов начался бой в ржаном поле «мессершмитт». Расстреляв по ним все патроны, немец стал пытаться раздавить их колесами. Майор залез в канаву на поле. Три раза «мессершмитт» проходил над ним, стараясь заехать его вышупленными колесами. Один раз это ему удалось. Майор, задрыв гимнастерку, показал мне широкую, в ладонь, синюю полосу через всю спину» («Разные дни войны», т. I, стр. 71).

Публикуемые сегодня «Литературной Россией» письма — лишь микроскопическая часть огромного эпистолярного наследия Константина Симонова. Они — о войне, но посвящены главным образом проблемам документалистики, которые в последние годы очень занимали писателя в связи с его работой в литературе, в кино и на телевидении. Итогом этой работы были два тома его фронтовых дневников «Разные дни войны», кино- и телевизионные фильмы «Если дорог тебе твой дом...», «Гренада, Гренада моя...», «Чужого горя не бывает...», «Шел солдат...», «Солдатские мемуары». Письма эти приоткрывают читателю двери в творческую лабораторию Константина Симонова — военного писателя.

Москва, 5 июля 1965 года

Дорогой товарищ Будаев, все правильно. Действительно, о героине моего рассказа «Малышка» мне рассказывал в свое время, в сорок третьем году, Горшков¹. Не помню, был он тогда уже генерал-майором или еще только полковником, но во всяком случае он командовал казачьей дивизией в корпусе Селиванова. И я о нем самом тоже писал в «Красную звезду». Он не только рассказывал мне о Малышке, но и познакомил меня с этой маленькой девушкой. Маленькой, но боевой, очень славной, хорошей, и я с ней разговаривал там, у него в штабе. Потом я больше ее не видел.

Его рассказ о ней и ее собственный рассказ послужили мне основой для рассказа «Малышка», в котором в общем все самое главное — факты, но в то же время есть и небольшой домысел. Поэтому, собственно, я и назвал его не очерком, а рассказом и не дал там героине собственной фамилии.

В записных книжках, во всяком случае в тех, что у меня сейчас под руками, ничего об этих днях не нашлось; я сразу тогда писал очерки и рассказы прямо по записям в блокнотах и не вел параллельных записей дневника. Может быть, если бы порыться в блокнотах, что-то и найдется, но пока не могу этого сделать. Это нужно делать последовательно год за годом. Если Горшков называет героиней «Малышки» Марию Лагутину, значит, так оно и есть². Ведь он же был первым рассказчиком об этой девушке, прежде чем я сам с ней увиделся.

Если Вам удастся узнать, где живет Мария Лагутина, пожалуйста, не откажите в любезности — напишите мне. Мне бы хоте-

лось в этом случае написать ей письмо и послать книжку.

С товарищеским приветом

Константин СИМОНОВ

¹ О встрече с генерал-майором С. И. Горшковым см. «Разные дни войны», т. II, стр. 244—246.

² К. Симонов, видимо, забыл о том, что в «Красной звезде» 21 марта 1943 г., вскоре после напечатания рассказа «Малышка» (он был опубликован 7 марта 1943 г.), была помещена фотография медсестры Марии Лагутинной, о которой в подписи к снимку сообщалось, что она героиня рассказа Симонова «Малышка». Снимок был сделан фотокорреспондентом Я. Халипом, ездившим вместе с Симоновым на Южный фронт.

П. К. АМАНОВУ

Уважаемый товарищ Аманов, получил Ваше письмо.

Что касается 388-го стрелкового полка, то, как мне кажется, с ним вопрос ясен: полк с беспримерной стойкостью сражался с немцами под Могилевом и в Могилеве. Эти слова о беспримерной стойкости написаны и на памятнике воинам полка. Памятник этот стоит в районе Луполово под Могилевом, там, где в первые дни могилевских боев сражался полк.

Я лично своими глазами видел 13-го июля 41-го года тридцать девять немецких танков и бронетранспортеров, сожженных и разбитых перед позициями полка и на позициях, причем полк в этом бою не отступил ни на шаг.

Панорама этих разбитых танков была напечатана 20-го июля 1941 года в газете «Известия». Все это документально установлено. Добавлю к этому, что, как участник войны, могу подтвердить, что редко в первый месяц войны было так, что на долю стрелкового и поддерживающего его артиллерийского полка приходилось тридцать девять разбитых немецких танков и бронетранспортеров — не в донесениях, а в натуре, на местности.

В дальнейшем полк вел бои в Могилеве, я уже не был их свидетелем, но по многим письмам и документам знаю, что бои до самого конца были жестокими, Кутепов до 26-го, до 27-го июля, то есть до самого конца боев, командовал полком и, по свидетельству ряда очевидцев, погиб в этот последний день. Обязательства гибели очевидцы указывают разные, но, думаю, это дела не меняет. Полк и его командир до конца выполнили свой долг в Могилеве.

Это — насчет исторических фактов! Кстати, если кто-то всерьез хочет ими заняться, то может прочесть в книге «Солда-

тами были все», вышедшей в Минске, в издательстве «Беларусь», двумя изданиями, и всю историю боев за Могилев, и, в частности, историю боев 388-го стрелкового полка, о котором идет речь в Вашем письме.

А теперь насчет романа «Живые и мертвые».

Я нигде не писал и не говорил, что Серпилин — это Кутепов. Говорил я и писал только одно, что встреча с Кутеповым, пребывание в 388-м полку, обстоятельства, в которых было разбито перед позициями и на позициях полка 39 немецких танков, — все это вместе взятое дало мне первый толчок для того, чтобы написать такого человека, как Серпилин, который и у меня по роману, так же как Кутепов, командует полком под Могилевом.

Итак, встреча с Кутеповым дала мне первый толчок. А все остальное, касающееся в романе Серпилина, не имеет отношения к Кутепову. Образ Серпилина — обобщенный образ командира Великой Отечественной войны, человека, начавшего с командира полка и кончившего командующим армией.

Вот те ответы, которые я могу дать Вам в связи с заданными Вами в Вашем письме вопросами...

Добавлю еще одно: Вы пишете, что оставшийся в живых личный шофер Кутепова толком не может рассказать о том, как погиб его командир полка. Не думаю, что это может быть поводом для каких-либо подозрений или сомнений. Во-первых, в бою — и Вы, наверное, это знаете не хуже меня — командир стрелкового полка в сорок первом году не разъезжал на машине. Если у него и была машина, то она была где-нибудь в тылах полка, а не при нем на передовой, на наблюдательном или командном пункте. Шофер вполне мог не иметь никакого представления о том, как погиб его командир.

Второе. Мне вообще что-то сомнительно, чтоб у командира стрелкового полка в 41-м году был личный шофер. По-моему, легкой машины командирам стрелковых полков в сорок первом году положено не было. Я, во всяком случае, бывал в полках, разговаривал, встречался со многими командирами полков в этот период войны, — что-то не помню, чтобы у кого-нибудь из них была в распоряжении «Эмка» с личным шофером, положенная им по штату. Ну, это все, в общем, уже не столь существенно, а на все главное я ответил Вам раньше.

С товарищеским приветом, уважающий Вас

Константин СИМОНОВ
6. VIII. 74.

В. В. ТИМОФЕЕВОЙ

Москва, 5 декабря 1965 года

Многоуважаемая Валентина Владимировна, спасибо за поздравление. Я был очень рад получить от Вас телеграмму и одновременно из этой телеграммы и из звонка саратовских товарищей узнать, что Вы живы и здоровы.

Совсем недавно я нашел несколько первых военных блокнотов, которые считал безнадежно потерянными, и там обнаружил карандашные записи, сделанные под Могилевом, когда я Вас видел накоротке, где-то в лесу¹. Эти записи позволили мне сообщить саратовским газетчикам те данные, по которым они, к счастью, теперь Вас разыскали.

Тогда, в июле сорок первого, я напечатал о Вас небольшой очерк в «Известиях»². Может быть, он Вам даже не попадался на глаза. Скорей всего, так.

Я буду рад Вас увидеть, как только к этому представится малейшая возможность, и буду очень рад, если Вы мне напишете пока еще до нашей встречи о себе и о том, как Вам тогда удалось выйти живой и здоровой

из той каши, которая была под Могилевом.

Я сейчас занимаюсь своими дневниками того времени, составляю к ним современный комментарий, и для меня было бы очень дорого и важно Ваше письмо³.

С глубоким уважением к Вам вспоминаю Вас такой, какой Вы были тогда; в июле сорок первого года, — маленькой мужественной женщиной, которую глубоко ценили за это мужество все окружающие ее люди.

Очень рад, что Вы живы и здоровы. Буду ждать письма от Вас, а пока крепко жму Вашу руку.

С товарищеским приветом, уважающий Вас

Константин СИМОНОВ

¹ О встрече с В. В. Тимофеевой см. «Разные дни войны», т. I, стр. 101—102. Эта встреча послужила писателю первоначальным толчком для создания в романе «Живые и мертвые» образа «маленькой докторши». Записи, которые помнит К. Симонов, были опубликованы там же, стр. 112—114.

² Очерк К. Симонова «Валя Тимофеева» был опубликован под псевдонимом С. Константинов («Известия» от 19 июля 1941 г.).

³ Выдержка из ответного письма В. В. Тимофеевой напечатана в «Разных днях войны», т. I, стр. 112—114.

А. К. ГОРЖНЕВУ

Уважаемый Андрей Кузьмич!

Получил Ваше письмо, в котором Вы спрашиваете совета, стоит ли Вам писать свои воспоминания. Что мне Вам сказать. Дело ведь это очень трудное. Жизнь у Вас сложилась трудно, но ведь у сотен тысяч людей она была не легче, такое уж время было. Чтобы написать роман, то есть такое произведение, где нужно обязательно придумать интересное содержание, выбрать героев, сделать каждого так, чтобы они не были похожи друг на друга, чтобы у каждого был свой характер, своя судьба, — повторяю, чтобы написать такое произведение, нужен и опыт, и определенное образование, и способности к литературной работе. Думаю, что романа Вы написать не сможете.

А если говорить о воспоминаниях, то здесь тоже не просто. Ведь судя по письму, Вы уже не молодой человек. Вряд ли у Вас есть дневники, записи, по которым Вы могли бы восстановить и даты точные разных событий, и сами события, и имена и характеры людей, с которыми сталкивала Вас жизнь, и особенности условий жизни того или иного периода. А без этого воспоминания не могут иметь ценности, потому что ценность воспоминаний заключается в их абсолютной достоверности, точности.

Если взять даже только годы войны, так и то сомневался, чтобы Вы точно, совершенно точно все помнили, ведь как-никак, а прошло с начала войны почти четверть века. Во всяком случае для печати, если бы Вы и написали такие воспоминания, они не подошли бы.

Что же Вам посоветовать? Попробуйте написать сохранившиеся в памяти самые яркие события, например то, о чем Вы написали в письме — побег из плена, ничего не прибавляя, только то, что совершенно точно помните. Если, как я сказал уже, эти отдельные события Вашей жизни и не будут напечатаны, то их можно будет, если они будут достаточно точно написаны, с именами, датами и т. д., направить в Центральный военный архив, где собираются материалы о Великой Отечественной войне. Вот, к сожалению, все, что могу Вам сказать.

Уважающий Вас
Константин СИМОНОВ
25. III. 1965.

Публикация
Л. ЖАДОВОЙ,
Л. ЛАЗАРЕВА.
Примечания
Л. ЛАЗАРЕВА

Книжная графика

Из иллюстраций художника И. БРУНИ к повести Эмануэла Казакевича «Звезда». Издательство «Советский писатель».